

Цзян Циншань уехал, но Юань Цзин и Чэнь Цзяньхуа по-прежнему жили в его доме. Деревенские не только не судачили об этом, но, напротив, вздохнули с облегчением: Ню Гуйлань была уже не в тех летах, чтобы справляться со всем в одиночку, а двое крепких парней всегда могли подсобить по хозяйству.

Тётушка Ню, закончив с дневной нормой заготовки корма для свиней, вернулась домой пораньше. Увидев Цзи Юаньцзина, она приветливо улыбнулась:

— Сяо Цзи, от Циншаня письмо пришло! И тебе весточку прислал. Те Дань так рвался его вручить, что едва из рук не выхватил, побежал тебя искать.

Юань Цзин невольно улыбнулся в ответ:

— Да, я уже получил. Славный он мальчишка.

— Ну, ступай, ополоснись с дороги, а я пока за ужин примусь. Как раз Сяо Чэнь вернётся — и за стол сядем.

С тех пор как они стали питаться сообща, отъезд Циншаня ничего не изменил. Ню Гуйлань прекрасно знала, что кулинарные таланты молодых людей оставляли желать лучшего, а ей всё равно было не в тягость. К тому же, помимо готовки, парни взвалили на свои плечи всю тяжёлую работу по дому.

— Хорошо, тётушка, — отозвался Юань Цзин и ушёл к себе.

Внутри всё трепетало от предвкушения. Он осторожно вскрыл конверт. Первые же слова — «Дорогой товарищ Юань Цзин» — заставили его губы дрогнуть в невольной усмешке. Он попытался представить, как Цзян Циншань со своим вечно суровым и сосредоточенным лицом выводит эти строки. Впрочем, отец Цзи тоже всегда начинал письма с обращения «Дорогой сын», так что ничего предосудительного в этом не было.

Циншань подробно описывал своё возвращение в часть. Уже на второй день после прибытия начались изнурительные тренировки. Жизнь в казарме была однообразной и суровой, но именно такая обстановка была ему привычнее всего. Он также упомянул, что под влиянием Юаньцзина решил тратить свободные часы на самообразование. Циншань окончил лишь среднюю школу, и после общения с Юаньцзином и Старейшиной Чжаном остро ощутил нехватку знаний.

Юань Цзин искренне порадовался за друга. Он никогда не смотрел на Циншаня свысока из-за отсутствия образования — в конце концов, таковы были время и обстоятельства. Но стремление того заполнить пробелы в знаниях заслуживало уважения, да и для продвижения

по службе это было необходимо.

«Пока я был в деревне, часто тосковал по тренировкам с сослуживцами, — писал Циншань. — Но теперь, вернувшись в строй, ловлю себя на мыслях о наших с тобой походах в горы. Не знаю, когда нам снова доведётся свидеться. Знаешь, даже если бы мы не охотились, а просто сидели рядом и разговаривали, мне кажется, время летело бы незаметно».

Юань Цзин чувствовал то же самое. Чем дольше он знал Цзян Циншаня, тем яснее понимал, насколько они близки по духу. Им было легко вдвоём. Как и говорилось в письме, даже молчание рядом с этим человеком приносило удивительный покой, а часы пролетали как мгновения.

В самом конце стояла подпись: «Твой Циншань, который скучает по тебе».

Прочитав эти слова, Юань Цзин почувствовал, как к щекам прилила кровь. Он ещё не успел разобраться в смятении, охватившем душу, когда в комнату вихрем ворвался Чэнь Цзяньхуа.

— Ну и жаррица! Сентябрь на дворе, а солнце палит как безумное. Юань Цзин, Линь Дун и остальные зовут на речку искупаться. Пойдёшь?

— Пойду, конечно. Только предупреди тётушку, она уже начала готовить ужин.

— Ладно, я мигом! — Чэнь Цзяньхуа так же стремительно исчез за дверью.

Юань Цзин аккуратно сложил письмо и убрал его в конверт, положив к весточкам от отца. Собрав банные принадлежности, он поспешил за другом. Быть может, в реке удастся наловить креветок или мелкой рыбешки — из них вышел бы отличный наваристый суп.

В это время в воинской части Цзян Циншань, взмокший после целого дня учений, направлялся к казарме. Его догнал Тао Юнго.

— Ну ты даёшь, Циншань! С такой нагрузкой справился. Думаю, скоро мы снова сможем вместе отправиться на задание.

Циншань едва заметно улыбнулся:

— Я же говорил, что полностью восстановился. А вы всё переживали почём зря.

Тао Юнго, только теперь окончательно поверив в его выздоровление, шёл спиной вперёд, не

сводя глаз с товарища:

— Видать, тот старый лекарь, которого сослали в вашу деревню на перевоспитание, и впрямь мастер своего дела. Врачи, что тебя осматривали, тоже были не промах, но даже они пророчили осложнения. Кстати, я замолвил словечко отцу. Пускай разузнает, что там к чему. Такому таланту гнить в деревенском коровнике — просто преступление.

Циншань на мгновение замер, затем кивнул:

— Было бы замечательно, если бы он смог уехать. Условия там тяжёлые, а Старейшина Чжан и его товарищи уже немолоды.

Конечно, отъезд старейшины лишил бы Юаньцзина возможности учиться у него, но Циншань был уверен: узнай Юань Цзин об этом, он бы первый поддержал наставника. Даже в городе они могли бы продолжать общение по переписке. К тому же, старейшина Чжан с каждым днём всё больше привязывался к Юаньцзину. Казалось, он давно хотел официально взять его в ученики, но опасался, что его положение «врага народа» бросит тень на будущее юноши.

Они подошли к пункту приёма почты. Циншань заглянул в окошко и спросил дежурного:

— Для меня есть что-нибудь?

— Ха-ха, Цзян Циншань, опять ты! Неужто в этот раз из отпуска жену привёз? Каждый день бегаешь, будто весточки от суженой ждёшь. Ладно, радуйся, сегодня тебе и впрямь письмо.

Дежурный, привыкший к ежедневным визитам Циншаня, не упустил случая подшутить и протянул ему конверт. Уголки губ Циншаня дрогнули. Он бережно принял письмо:

— Спасибо.

Он не стал ничего объяснять — ни про жену, ни про то, от кого письмо. Но стоявший рядом Тао Юнго буквально лишился дара речи. Выйдя из почтового отделения, он увидел, как Цзян Циншань, словно замороженный, вертит конверт в руках, рассматривая его со всех сторон. Тао легонько толкнул его в плечо:

— Ты когда успел жениться? Или присмотрел кого перед отъездом?

Циншань поднял на него взгляд:

— Никого я не присматривал.

— Тогда от кого письмо? Ты на него смотришь так, будто это величайшее сокровище. Не поверю, что это не от зазнобы.

В глазах Циншаня вспыхнул странный блеск.

— Ты его видел. Это Цзи Юаньцзин, образованный юноша, который живёт в моём доме.

Тао Юнго, конечно, помнил Юаньцзина. Такое лицо — словно у благородного молодого господина из старых времён — забыть было трудно. Но из рассказов Циншаня он знал, что этот парень вовсе не белоручка: и на кабана с ним ходил, и в поле работал не хуже местных.

Однако то, с какой нежностью Циншань прижимал к себе письмо, не давало Тао покоя. Он потянул друга за рукав:

— Слушай, ты к этому Юаньцзину относишься так, будто он тебе жена законная. Смотри, когда и впрямь женишься, супруга-то ревновать будет.

Улыбка исчезла с лица Циншаня. Он обернулся и очень серьёзно посмотрел на товарища:

— Не будет.

С этими словами он зашагал прочь. Тао Юнго остался стоять в полном недоумении. Что значило это «не будет»? Не будет ревновать или он не будет жениться? Тао повидал на своём веку побольше Циншаня, и в голову ему полезли странные мысли. Впрочем, он тут же отмахнулся от них — мало ли что померещится.

Юань Цзин в своём ответе, конечно, не использовал нежных обращений. Он просто написал «Брат Цзян». Циншань почувствовал лёгкий укол разочарования, но сама быстрота ответа перекрывала всё остальное. Перевернув страницу, он увидел в конце лишь лаконичное «Юань Цзин».

Циншань невольно представил, как Юань Цзин смущается, выводя его имя.

«Наверное, он просто очень скромный и консервативный, — подумал он с невольной нежностью. — Впрочем, неважно. Я люблю его любим».

В письме было всего два листка, но Цзян Циншань читал их добрых полчаса, смакуя каждое слово. Если бы Тао Юнго не потащил его в столовую, грозя, что они останутся без ужина, он бы наверняка перечитал его ещё раз десять.

С тех пор у Юаньцзина появилась новая обязанность — регулярная переписка с Циншанем. Чэнь Цзяньхуа, который был по уши занят ухаживаниями за Ма Лили, ничуть не обижался, что

Циншань не пишет ему лично. Каждый раз, когда Юань Цзин садился за письмо, Чэнь лишь бросал на ходу: «Передавай брату Цзяну привет от меня!» И Юань Цзин послушно приписывал в самом конце: «Цзяньхуа просил передать тебе привет».

К концу года пришёл приказ о реабилитации Чжан Хэлю. За ним прислали специальную машину, чтобы отвезти в столицу. Это известие ошеломило не только деревню, но и самого старейшину Чжана. Глядя на троих своих товарищей по несчастью, с которыми он делил кров и тяготы в коровнике, он не мог сдержать слёз — сердце разрывалось от боли расставания.

Хэ Цзиньдун, хоть и сам едва сдерживался, принялся ворчать, скрывая чувства:

— Ну что ты как девчонка? В такие-то годы! Выпал шанс выбраться из этой дыры, а он раздумывает. Совсем из ума выжил на старости лет? Если и впрямь будешь по нам скучать — попытайся вытащить и нас, когда устроишься. Только смотри, не навреди себе. Нам не хватало ещё, чтобы тебя через пару месяцев обратно прислали «на перевоспитание».

Супруги Ван поддержали его:

— Старина Хэ прав. О себе в первую очередь думай. А за нас не переживай — благодаря тебе нам здесь живётся куда легче, чем раньше. Да и люди в деревне теперь к нам иначе относятся. Сяо Цзи присмотрит за нами, так что поезжай со спокойной душой.

Хэ Цзиньдун добавил:

— Наверху оценили твоё мастерство, раз за тобой прислали машину. Ты ведь всегда об этом мечтал. В этой глуши твоему таланту не развернуться. Ничего, рано или поздно мы все там встретимся.

— Хорошо, хорошо... — старейшина Чжан вытер глаза. — Я поеду. Берегите себя, а я накажу Сяо Цзи, чтобы он о вас заботился.

Старики улыбнулись:

— Мы-то знаем, ты давно хотел взять его в ученики. Пользуйся случаем, назови его своим преемником. Этот мальчик и тот парень, Циншань — они оба достойные люди.

Чжан Хэлю не решился произнести это вслух — он не знал, что ждёт его в столице. Но учить Юаньцзина он не перестанет, это он знал твёрдо. Напоследок он ещё раз поручил своих друзей заботам Цзи Юаньцзина и Нью Гочжу, помахал им рукой и сел в машину.

Деревенские жители долго обсуждали это событие. Они поняли: истинный талант, как бы его ни притесняли, рано или поздно пробьёт себе дорогу. Мало того что за стариком прислали личное авто, так ещё и повезли в сам Пекин — не иначе как к большой жизни. Люди были благодарны Чжан Хэлю за помощь, которую он оказывал им всё это время, и лишь сокрушались, что теперь в округе не осталось такого искусного и бескорыстного врача.

Но если для жителей деревни это было лишь темой для разговоров, то на образованную молодёжь отъезд старейшины произвёл неизгладимое впечатление. Каждый из них мечтал вернуться в город, но годы шли, и надежда таяла с каждым днём. Пример Чжан Хэлю заставил их сердца забиться чаще: неужели и у них появится такой шанс?

Чэнь Цзяньхуа, обычно весёлый и беззаботный, в эти дни стал непривычно тихим. Его отношения с Ма Лили крепили, и они уже подумывали о том, чтобы расписаться и начать жить вместе. Если бы надежды на возвращение не было, они бы свили гнездо здесь, в бригаде «Красная Звезда». Но что, если путь в город откроется? Один — из Пекина, другая — из Шанхая. Между ними тысячи вёрст. Как им быть тогда? Этот вопрос встал перед ними во всей своей суровой реальности.

<http://bllate.org/book/15835/1435658>